

ЕЛЕНА ВЕТРОВА



ЖЕНА ПО ЧУЖОЙ ВОЛЕ

Один поцелуй мог погубить её
репутацию. Второй заставил
забыть об осторожности...

18+

18+

Елена Ветрова

Жена по чужой воле

«Автор»

2026

Ветрова Е.

Жена по чужой воле / Е. Ветрова — «Автор», 2026

В этой истории любовь начинается с простого внимания: кто-то слушает твои вопросы, ждёт ответа и принимает твои желания всерьёз. Элеоноре предстоит понять, как много для неё значит такое отношение — и чего стоит жизнь, в которой за неё решают другие. Она будет ошибаться, бояться, причинять боль тем, кого любит, и учиться отвечать за собственный выбор. «Жена по чужой воле» — роман о запретной любви и смелости однажды спросить себя: а какой жизни хочу я?

© Ветрова Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Предисловие	6
Глава 1. Разбитое стекло	7
Глава 2. Повод для встречи	12
Глава 3. Опасная надежда	20
Глава 4. Их маленькая свобода	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Жена по чужой воле

От автора

Мне хотелось рассказать о женщине, которая учится доверять собственным желаниям, даже когда окружающие считают её выбор ошибкой. Так появилась история Элеоноры — с её страхами, страстью и непростым путём к свободе.

Спасибо, что прошли этот путь вместе с ней. Надеюсь, среди этих страниц вы нашли что-то близкое и для себя.

Предисловие

В этой истории любовь начинается с простого внимания: кто-то слушает твои вопросы, ждёт ответа и принимает твои желания всерьёз.

Элеоноре предстоит понять, как много для неё значит такое отношение — и чего стоит жизнь, в которой за неё решают другие. Она будет ошибаться, бояться, причинять боль тем, кого любит, и учиться отвечать за собственный выбор.

«Жена по чужой воле» — роман о запретной любви и смелости однажды спросить себя: а какой жизни хочу я?

Глава 1. Разбитое стекло

Первое, что Элеонора подумала, увидев кровь: отец рассердится на садовника.

Не на неё, полезшую поправлять треснувшую раму, хотя её дважды просили отойти. Не на себя, уже третий месяц откладывавшего ремонт оранжереи. На Бриггса, который сейчас стоял перед ней с таким лицом, будто разбитое стекло предназначалось ему в наследство.

— Не надо так смотреть, — сказала она. — Это всего лишь рука.

Кровь стекала к запястью и пропитывала кружевную манжету.

Миссис Белл сняла с плеч шаль.

— Дайте сюда.

— Вы испортите хорошую вещь.

— А вы, по всей видимости, намерены сохранить её ценой дурной.

Она обернула ладонь Элеоноры сложенным носовым платком и прижала сверху шалью. Только тогда боль стала отчётливой: горячей, пульсирующей.

— Я ведь предупреждал, мисс, — пробормотал Бриггс.

— Поэтому, если спросят, скажете именно это.

— Ваш батюшка...

— Пока в Лондоне. У нас есть по меньшей мере три дня, чтобы выработать убедительное объяснение моей глупости.

Миссис Белл посмотрела на неё поверх очков.

— Ничего вырабатывать не потребуется.

* * *

На двери лекаря висела небольшая медная табличка: «М. Рид. Хирург и аптекарь».

Элеонора прочла её дважды, пока миссис Белл объясняла кучеру, что тот должен подождать. Она прежде не бывала здесь. Из окна кареты дом казался узким и почти втиснутым между лавкой торговца тканями и булочной; вблизи оказалось, что ступени тщательно вымыты, а оконная рама недавно покрашена.

Дверь открыл сам мистер Рид.

Он был без парика. Тёмные волосы, перехваченные на затылке, слегка растрепались у висков. На нём были жилет и рубашка с закатанными рукавами, и прежде, чем Элеонора успела подумать что-либо ещё, она заметила его руки.

Длинные пальцы. Небольшой старый шрам возле большого пальца. Чернильное пятно у костяшки.

— Порез стеклом, — сообщила миссис Белл. — В оранжерее. Минут двадцать назад.

Он сразу посмотрел на перевязанную ладонь.

— Входите.

В комнате пахло мылом, сушёными травами и чем-то горьким. Вдоль стены стояли полки с сосудами; на столе лежала раскрытая книга, прижатая латунным грузиком. Рядом с ней — недоеденное яблоко.

Почему-то именно яблоко немного успокоило Элеонору.

— Садитесь сюда, мисс...

— Эшфорд, — сказала миссис Белл.

В его лице ничего не изменилось.

Элеонора привыкла к тому краткому движению, которое вызывала её фамилия: человек выпрямлялся, осторожнее выбирал слова, иногда улыбался чуть шире необходимого. Мистер Рид лишь придвинул второй стул для её спутницы.

— Позволите?

Он указал на повязку.

Элеонора протянула руку.

Когда он осторожно развернул ткань, платок прилип к ране. Она невольно напрягла плечи.

— Сейчас смочу, — сказал он. — Тянуть не стану.

Голос у него был низкий, спокойный и совсем не торжественный. Домашний врач Эшфордов разговаривал с повреждёнными частями тела так, словно выносил им приговор.

Мистер Рид принёс воду и чистое полотно.

— Как это случилось?

— Я пыталась открыть верхнюю раму.

— Разбитую?

— В тот момент она была только треснувшей.

Он поднял глаза.

Они оказались серыми. Или зелёными — свет из окна падал сбоку, и она не успела решить.

— Существенное различие.

— Я тоже так полагала.

Миссис Белл издала короткий звук, выражавший всё её мнение об этой беседе.

Мистер Рид вернулся к повязке, но Элеонора успела заметить, как дрогнул уголок его рта. Ей захотелось вызвать эту улыбку снова.

Мысль была настолько неожиданной, что она посмотрела в окно.

* * *

Порез оказался длиннее, чем она предполагала.

Мистер Рид осмотрел ладонь и попросил пошевелить пальцами. Элеонора повиновалась.

— Онемение есть?

— Нет.

— А здесь?

Он легко коснулся кожи у основания пальцев.

— Нет.

Его руки были тёплыми.

Разумеется, подумала она, они должны быть тёплыми. Он живой человек, а не мраморный бюст в отцовском кабинете.

Тем не менее это обстоятельство занимало её сильнее, чем следовало.

— Небольшой осколок остался у края, — сказал он. — Я его извлеку. Пожалуйста, держите руку спокойно. Если понадобится остановиться, скажите.

Элеонора кивнула.

Миссис Белл села так близко, что их юбки соприкоснулись.

Металл коротко блеснул у него в пальцах.

Элеонора отвернулась к книжным полкам.

— Что вы читали?

— Сейчас?

— До того, как мы прервали ваш завтрак.

— Обед.

— Тогда мои соболезнования.

— Яблоко не успело составить завещание.

Она рассмеялась и тут же поморщилась.

— Простите, — сказал он. — Здесь будет неприятно.

Боль заставила её задержать дыхание. Он не стал уверять, что ничего не происходит, и не велел быть храброй. Просто подождал, пока она снова посмотрит на него.

— Продолжим?

— Да.

Через несколько мгновений на белое полотно упал крошечный осколок.

Так мало стекла, подумала Элеонора. Столько шума из-за вещи, которую можно потерять под ногтем.

— Вы не ответили про книгу.

— Заметки об оспопрививании.

— В пользу или против?

На этот раз он посмотрел на неё внимательнее.

— Автор — в пользу. Но я пока не решил, насколько убедительны его доводы.

— Он приводит число неудач?

Мистер Рид замер на долю секунды.

— Приводит.

— Наш доктор однажды сказал, что это спасает почти всех. Мне хотелось узнать, сколько человек скрывается в слове «почти», но он велел мне не тревожиться.

— Вы тревожились?

— Я спрашивала.

Мистер Рид опустил глаза к её руке.

— Постараюсь учитывать разницу.

Она почувствовала удовольствие, совершенно несоразмерное простому ответу.

Её вопросы обычно встречали снисходительно. В лучшем случае называли любознательной; в худшем — принимались объяснять, что некоторые предметы не способствуют женскому спокойствию. Даже добрые люди словно заранее знали, какой объём ответа ей полагается.

Мистер Рид рассказал, что именно смущало его в книге: автор сравнивал наблюдения, сделанные при разных обстоятельствах, и не всегда пояснял, как выбирал больных.

Он говорил, продолжая работу. Иногда ненадолго умолкал, сосредоточившись на ране, потом возвращался к мысли с того же места.

Элеонора слушала.

И смотрела на его рот.

Осознав это, она резко перевела взгляд на полотно под своей рукой.

— Вам дурно? — спросил он.

— Нет.

— Вы побледнели.

— В таком случае у нас с миссис Белл разойдутся показания. Она всю дорогу уверяла, что я красная как мак.

— И были, — подтвердила миссис Белл.

Он не улыбнулся. Придвинул к Элеоноре стакан воды и подождал, пока она сделает несколько глотков.

Эта сдержанность почему-то смутила её больше, чем могла бы смутить любезность.

* * *

Пока он накладывал повязку, Элеонора рассматривала комнату.

Ничего лишнего. Два стула не составляли пары. У камина стоял ящик с углём; на полке над ним — дешёвые часы и маленькая деревянная лошадка с обломанным ухом.

— У вас есть дети? — спросила она и тут же пожалела.

Миссис Белл повернула голову.

Мистер Рид проследил за её взглядом.

— Нет. Это одного из моих пациентов. Оставил в залог.

— За лечение?

— За обещание прийти ещё раз и позволить осмотреть колено.

— Значит, вы берёте заложников.

— Только деревянных. С остальными слишком много хлопот.

Он закрепил конец бинта.

— Готово.

Ей следовало почувствовать облегчение.

Вместо этого она вдруг остро ощутила, что сейчас он отпустит её руку, отступит, назовёт плату — и встреча закончится.

Нелепое разочарование.

Она знала этого человека менее получаса.

Мистер Рид убрал ладонь из-под её запястья. Воздух коснулся кожи там, где только что были его пальцы.

— Повязку нужно держать сухой. Если боль усилится, появится жар или покраснение распространится, пришлите за мной. Завтра я хотел бы осмотреть руку снова.

— Мы приедем, — сказала миссис Белл прежде, чем Элеонора успела ответить.

Он объяснил остальное ей, а затем снова обратился непосредственно к Элеоноре:

— Несколько дней без работы в оранжерее.

— Я там не работаю.

Миссис Белл вздохнула.

— Я провожу наблюдения, — уточнила Элеонора.

— За тем, как разбивается стекло?

— До сегодняшнего дня мои интересы были преимущественно ботаническими.

Теперь он улыбнулся открыто.

Улыбка изменила его лицо. Исчезла та сосредоточенная серьёзность, с которой он осматривал рану; он показался моложе, почти мальчишкой. Элеонора почувствовала, что улыбается ему в ответ слишком быстро, слишком охотно.

Она потянулась за перчаткой.

Попыталась надеть её на перевязанную руку.

— Не стоит, — сказал он.

— Да. Конечно.

Перчатка выпала у неё из пальцев.

Он наклонился одновременно с ней. На мгновение они оказались совсем близко, и Элеонора уловила запах мыла и чистого полотна, заметила маленькую складку у его глаза.

Он поднял перчатку и положил рядом с её здоровой рукой.

Никакого прикосновения.

Ей пришлось сделать медленный вдох.

* * *

Миссис Белл расплатилась и вышла первой — проверить, подана ли карета к самой двери.

Элеонора задержалась возле стола.

— Можно узнать имя автора?

Мистер Рид посмотрел на раскрытую книгу, затем на неё.

— Я запишу.

Он взял небольшой листок. Перо скрипнуло по бумаге.

Элеонора наблюдала, как движется его рука. Теперь, когда ему больше не нужно было касаться её, собственное желание задержаться становилось всё труднее объяснить больной ладонью.

Он промокнул чернила и протянул записку.

— Здесь ещё одно название. По тому же вопросу, но с другими выводами.

— Вы всегда рекомендуете больным чтение?

— Только тем, кто спрашивает о числе неудач.

Она сложила листок.

— Спасибо, мистер Рид.

— До завтра, мисс Эшфорд.

За её спиной звякнул дверной колокольчик.

На пороге он остался стоять, пока кучер помогал ей подняться в карету. Элеонора не собиралась оборачиваться. Уже взялась за край сиденья, уже услышала замечание миссис Белл о грязи на подножке — и всё-таки посмотрела.

Он смотрел на неё.

Потом чуть склонил голову и вернулся в дом.

* * *

Некоторое время они ехали молча.

Элеонора держала повреждённую руку на коленях. Боль постепенно возвращалась, но казалась далёкой и не особенно важной.

— Вполне толковый молодой человек, — сказала миссис Белл.

Элеонора слишком поспешно согласилась:

— Да.

Её спутница поправила складки испорченной шали.

— Надеюсь, вы запомнили всё, что он сказал.

— Держать сухой. Не трогать раму. Прислать за ним, если станет хуже.

— И не работать рукой.

— Это вы добавили от себя.

Миссис Белл посмотрела на неё с некоторым подозрением, затем отвернулась к окну.

Элеонора раскрыла записку.

Почерк был быстрым, чуть наклонённым вправо. Под двумя названиями он дописал: «Во второй книге обратите внимание на примечания».

Она провела большим пальцем по чистому краю бумаги.

Завтра ей предстояло снова сесть у окна в маленькой комнате. Он спросит, как она спала, развяжет бинт и возьмёт её руку.

Элеонора сложила записку прежде, чем миссис Белл успела повернуться.

До завтрашнего утра оставалось непозволительно много времени.

Глава 2. Повод для встречи

К десяти утра Элеонора успела дважды переменить платье и рассердиться на горничную, которая не выразила по этому поводу ни малейшего удивления.

Первое было слишком нарядным для посещения лекаря. Второе — слишком простым для чего бы то ни было, кроме раскаяния. В конце концов она снова надела первое, сняла ленту с шеи и решила, что теперь выглядит человеком, которого занимает исключительно состояние собственной ладони.

За завтраком миссис Белл спросила:

— Рука болела ночью?

— Немного.

— Вы почти не едите.

Элеонора послушно отломил кусочек хлеба.

— Мне не нравится, когда за мной наблюдают во время еды.

— В таком случае перестаньте смотреть на часы.

До города они добрались раньше условленного времени.

У двери мистера Рида стояла женщина с мальчиком лет восьми. Мальчик прижимал к груди деревянную лошадку с обломанным ухом.

— Залог возвращён, — невольно сказала Элеонора.

Женщина недоумённо посмотрела на неё.

— Простите. Я видела её вчера.

Мальчик спрятал лошадку под куртку, словно опасался, что условия освобождения могут пересмотреть.

Из дома вышел Мэтью.

На этот раз он был в сюртуке. Элеонора испытала совершенно неуместное разочарование, не увидев закатанных рукавов.

Он поздоровался, затем присел перед мальчиком.

— Договор помнишь?

Тот кивнул.

— Покажешь матери, если снова опухнет. И никаких прыжков со стены.

— А с низкой?

— Насколько низкой?

Мальчик задумался, оценивая возможности переговоров.

Мэтью подождал.

— Лучше пока ни с какой, — признал тот наконец.

— Разумное решение.

Когда мать с сыном ушли, он придержал дверь для Элеоноры.

— Доброе утро, мисс Эшфорд. Как рука?

Она едва не ответила: «Гораздо лучше, спасибо», — так, словно пришла с обычным визитом и он спрашивал о здоровье её тётушки.

— Болела вечером. Теперь почти нет.

— Посмотрим.

В комнате всё стояло на прежних местах. Только яблока не было, а у камина сохла маленькая пара шерстяных чулок.

Элеонора села у окна. Миссис Белл заняла соседний стул и достала из сумочки шитьё.

Сегодня Элеонора заранее знала, что произойдёт. Он придвинет стул, попросит руку, нагнётся над повязкой.

Это знание ничуть не помогало.

Пока он разматывал бинт, она старательно рассматривала часы над камином.

— Вы прочли что-нибудь из рекомендованного? — спросил он.

— Я попросила заказать обе книги.

— Обе?

— Вы ведь сами предупредили, что они расходятся.

— Обычно люди предпочитают начать с той, которая обещает подтвердить их мнение.

— У меня пока нет мнения.

Он поднял глаза.

— Редкое преимущество.

— Отец называет это недостатком твёрдости.

Элеонора сказала это легко, но Мэтью не улыбнулся и не поспешил согласиться с её отцом.

Он просто спросил:

— А вы?

Она посмотрела на него.

— Я думаю, что твёрдость полезнее после размышления.

— Тогда придётся дать вам ещё одну книгу.

Миссис Белл вдевала нитку в иглу и, по счастью, не заметила выражения лица своей воспитанницы.

* * *

Рана заживала хорошо.

Мэтью сообщил об этом без лишней торжественности, наложил свежую повязку и решил осторожно пользоваться рукой, избегая всего, что могло снова раскрыть порез.

— В том числе оконных рам, — добавил он.

— Вы намерены напоминать об этом при каждой встрече?

— Пока не буду уверен, что совет усвоен.

При каждой встрече.

Он, разумеется, не придавал этим словам никакого значения.

Элеонора придала.

Он встал, подошёл к полке и вытащил небольшую книгу в потёртом переплёте.

— Здесь не только об оспопрививании. Несколько наблюдений о лихорадках. Автор временами делает слишком смелые выводы, но подробно описывает то, что видел.

Она взяла книгу здоровой рукой.

На полях виднелись карандашные пометки.

— Это ваши?

— Да.

— Тогда я смогу прочесть сразу двух авторов.

Мэтью протянул руку, словно собирался забрать книгу обратно.

— В таком случае, возможно, лучше...

Она прижала её к себе.

— Поздно.

Миссис Белл подняла глаза.

Элеонора почувствовала, как горячо стало щекам.

Мэтью опустил руку.

— Некоторые замечания написаны наспех.

— Постараюсь судить снисходительно.

— Именно этого я и опасаюсь.

Она рассмеялась.

И вдруг увидела, что он смотрит на неё совсем не так, как минутой раньше смотрел на рану.

Это длилось недолго. Его взгляд задержался на её лице, словно он хотел что-то запомнить, затем Мэтью отступил к столу и заговорил с миссис Белл о следующей перевязке.

Но Элеонора уже не могла убедить себя, что всё придумала.

* * *

Книгу она прочла за три вечера.

На четвёртый перечитала пометки.

Они оказались гораздо интереснее, чем обещал Мэтью.

Возле одного уверенного заключения стояло: «На каком основании?» Возле другого: «Здесь он противоречит наблюдению на стр. 46». Иногда на полях появлялось всего одно слово — «нет», — написанное с такой решительностью, что Элеонора слышала его голос.

Одна пометка заставила её задержаться.

Автор объяснял ухудшение состояния больной тем, что та не соблюдала предписанного покоя.

Мэтью написал: «Кто в это время заботился о её детях?»

Элеонора положила ладонь на страницу.

За окном темнел сад. Внизу закрывали ставни; из коридора донёсся голос экономки, обсуждавшей с горничной бельё для гостевых комнат.

Отец должен был вернуться через два дня.

Элеонора представила, как рассказывает ему об этой книге. Он, вероятно, похвалит её желание занять себя полезным чтением, затем спросит, не лучше ли было выбрать историю или географию.

Мэтью спросил бы, что она думает о прочитанном.

Она взяла лист бумаги.

«На странице семьдесят второй...»

Остановилась.

Начало выглядело так, словно они уже переписывались.

Она скомкала листок.

Потом расправила его.

В конце концов написала три вопроса на отдельной странице и вложила её в книгу. Это было разумно. Книгу следовало вернуть, вопросы — задать. Никаких иных оснований для волнения не существовало.

* * *

Почти через две недели после первого визита миссис Белл объявила, что ей нужно в город за лентами и пуговицами.

— Я поеду с вами, — сказала Элеонора.

Её спутница посмотрела на книгу, лежавшую возле тарелки.

— Полагаю, мистер Рид будет рад получить свою собственность обратно.

— Вы говорите так, словно я удерживаю её против воли владельца.

— Я говорю так, словно ленты лучше выбирать при дневном свете. Будьте готовы к одиннадцати.

По дороге Элеонора решила, что визит займёт не больше десяти минут.

Потом — пятнадцати, если он станет отвечать подробно.

Потом карета остановилась, и все расчёты потеряли значение.

Дверь открыла пожилая женщина в чистом чепце.

— Мистер Рид принимает? — спросила Элеонора.

— Пока никого нет. Проходите, мисс.

Из соседней комнаты донёсся звук передвигаемого стула.

Мэтью вышел с пером в руке.

Увидев её, он остановился.

Это было едва заметное движение, но Элеонора успела его заметить — и обрадоваться прежде, чем одёрнула себя.

— Мисс Эшфорд.

— Я вернула вашу книгу.

Она протянула её слишком торжественно, словно вручала награду.

— И привезла возражения.

Он посмотрел на вложенный листок.

— Мне или автору?

— Пока автору. Но вы можете вступить за него.

— Не обещаю.

Пожилая женщина принесла ещё один стул. Миссис Белл уселась возле окна и достала перечень покупок.

Элеонора сняла перчатки.

Повязки больше не было. На ладони осталась тонкая розовая линия.

Мэтью заметил её.

— Не беспокоит?

— Только когда пытаюсь делать то, что вы запретили.

— Значит, часто.

— Я начинаю сожалеть, что дала вам основания для столь дурного мнения.

— О вашей осторожности, — уточнил он.

И посмотрел ей в глаза.

Элеонора медленно сложила перчатки одну поверх другой.

— А об остальном?

Вопрос вырвался прежде, чем она успела решить, можно ли его задавать.

Мэтью положил перо на стол.

— Об остальном я пока располагаю слишком малым числом наблюдений.

Она улыбнулась.

— Осторожный ответ.

— Вы же одобряете осторожность в выводах.

— Когда она не служит уклонением.

Миссис Белл откашлялась.

Оба повернулись к ней.

— Мисс Эшфорд, ваши вопросы.

— Конечно.

Элеонора развернула листок.

* * *

Сначала они обсуждали книгу.

Потом — то, что в неё не вошло.

— Он пишет, что больной отказался от лекарства, — сказала Элеонора. — Но не объясняет почему.

— Возможно, не спросил.

— Разве это не важно?

— Важно. Человек может бояться. Может не понимать, чего от него хотят. Может не иметь денег на следующую порцию.

— Или ему противен вкус.

— Особенно если ему восемь лет и у него есть деревянная лошадь.

Она улыбнулась.

Мэтью сидел напротив, положив предплечья на стол. На этот раз между ними не было ни бинтов, ни инструментов, и Элеонора вдруг ощутила, насколько иначе выглядит та же самая комната.

Он больше не обязан был держать её руку.

Она больше не могла протянуть её без причины.

От этого расстояние через стол казалось почти вызывающим.

— Вы всегда хотели стать врачом? — спросила она.

Мэтью помолчал.

— Не уверен, что в детстве хорошо понимал, кем именно хочу стать.

— А что понимали?

— Что не хочу всю жизнь считать, хватит ли денег на уголь.

Ответ прозвучал спокойно.

Элеонора опустила взгляд к книге.

— Простите.

— За вопрос?

— Он был праздным.

— Нет. Просто ответ вышел не особенно занимательным.

— Напротив.

Он чуть повернул голову.

— Вы находите нехватку угля занимательной?

— Я нахожу важным то, что вы решили рассказать мне правду.

На этот раз пауза длилась дольше.

Миссис Белл переложила список покупок на колени.

Мэтью провёл пальцем по краю переплёта.

— Моя мать шила, — сказал он. — Работы было много. Платили за неё мало. Когда она заболела, к ней приходил мистер Фенвик. Я носил ему записки и помогал в лавке. Позднее он взял меня в ученики.

— Он ещё практикует?

— Иногда. Когда считает, что я недостаточно занят, чтобы обойтись без его помощи.

В голосе появилась теплота.

Элеонора представила мальчика, бегущего по улице с запиской, тесную комнату, женщину у окна с шитьём. Её собственное детство состояло из комнат, которые топились прежде, чем она успевала почувствовать холод.

Ей не хотелось произносить что-нибудь сочувственное только для того, чтобы избавиться от неловкости.

— Значит, вопрос на полях про детей той женщины — тоже ваш опыт?

Мэтью посмотрел на раскрытую страницу.

— Мать редко могла позволить себе болеть столько, сколько требовалось.

Элеонора кивнула.

Больше она не спрашивала.

* * *

— А вы? — сказал он спустя некоторое время.

— Я?

— Чем бы вы занялись, если бы могли выбирать?

Она уже открыла рот, чтобы дать один из привычных ответов. Читать. Путешествовать. Увидеть Италию.

Но он ждал.

— Хотела бы учиться всерьёз.

— Чему?

— Пока не знаю достаточно, чтобы выбрать.

Она нервно улыбнулась.

— Это звучит не слишком решительно.

— Зато последовательно.

— Меня учили понемногу всему, что может пригодиться в разговоре. Но стоит мне захотеть узнать больше, выясняется, что я уже получила достаточно.

Мэтью молчал.

— Мне хотелось бы понимать, как принимаются решения, — продолжила она. — Почему одни люди могут распоряжаться жизнью других. Почему считается естественным, что за женщину сначала решает отец, потом...

Она остановилась.

— Муж? — тихо подсказал он.

Элеонора посмотрела на свою ладонь.

— Предполагается, что он будет благоразумен.

— Удобное предположение.

Она подняла глаза.

На мгновение в комнате стало очень тихо.

Мэтью не улыбался. В его лице не было ни снисходительности, ни той настороженности, с которой мужчины обычно встречали подобные рассуждения. Только внимание.

Элеонора почувствовала, что сказала больше, чем собиралась.

И захотела сказать ещё.

Миссис Белл поднялась.

— Боюсь, нам пора. Мы и так злоупотребили временем мистера Рида.

Он тоже встал.

— Нисколько.

Это слово прозвучало слишком быстро.

Элеонора взяла перчатки.

* * *

В дверях миссис Белл обнаружила, что забыла список покупок, и вернулась к окну.

Элеонора осталась в узкой передней рядом с Мэтью.

Из-за стены доносился стук — булочник, вероятно, передвигал что-то тяжёлое. На улице скрипели колёса. Обычные звуки вдруг казались чрезмерно громкими.

— Спасибо за книгу, — сказала она.

— Спасибо за возражения.

— Я могу в следующий раз записать их короче.

Она поняла, что сказала, только после того, как он посмотрел на неё.

Следующий раз.

Мэтью опустил взгляд к перчаткам в её руках.

— Не нужно короче.

Она слышала собственное дыхание.

Ему стоило лишь немного придвинуться, и расстояние между ними стало бы неприличным. Он оставался на месте. Именно это неподвижное усилие — или то, что она принимала за усилие, — заставило её пальцы крепче сжать мягкую кожу перчаток.

— Если вы одолжите мне ещё что-нибудь, — сказала она, — я постараюсь не задерживать.

— У вас есть предпочтения?

Было бы легко ответить: ботаника. Или естественная история.

Вместо этого она сказала:

— Выберите сами.

Мэтью медленно кивнул.

Из комнаты вернулась миссис Белл с найденным списком.

— Я уже начала подозревать, что оставила его дома.

Мэтью открыл дверь.

Холодный воздух коснулся разгорячённого лица Элеоноры.

* * *

В лавке миссис Белл долго сравнивала две почти одинаковые ленты.

— Эта слишком жёлтая, — сказала она.

Элеонора посмотрела на прилавок.

— Да.

— А эта?

— Тоже.

— Она голубая.

— Тогда, вероятно, первая лучше.

Миссис Белл отложила обе.

Несколько мгновений она рассматривала Элеонору, затем попросила торговца принести коробку с пуговицами.

Когда он отошёл, она негромко сказала:

— Хороший разговор — редкое удовольствие.

Элеонора застыла.

— Да.

— Особенно если собеседник молод и приятен собой.

— Миссис Белл...

— Я пока ничего не сказала.

Но, конечно, сказала.

Элеонора повернула на пальце перчатку, разглаживая складку.

— Мы говорили о книге.

— Я слышала.

В голосе её спутницы не было насмешки. Это оказалось хуже.

Вернулся торговец, поставил перед ними коробку и принялся расхваливать перламутр.

Элеонора слушала, не понимая ни слова.

Она не сделала ничего предосудительного. Взяла книгу, прочла, вернула. Задала несколько вопросов.

И всё же ей казалось, что миссис Белл заметила нечто такое, чего сама она ещё не успела назвать.

* * *

Вечером, собираясь ко сну, Элеонора обнаружила в сумочке сложенный листок с названиями первых двух книг.

Она положила его на туалетный столик.

Горничная распустила ей волосы и ушла. В камине оседали угли.

Элеонора подошла к зеркалу.

Она попыталась вспомнить выражение его лица в передней. Не улыбку, не взгляд лекаря, внимательно следящего за больной рукой. Тот короткий миг, когда они стояли рядом и оба почему-то медлили.

Ей захотелось узнать, какой он бывает, когда перестаёт быть осторожным.

От этой мысли стало жарко.

Элеонора отвернулась от зеркала, но собственное смущение не исчезло вместе с отражением.

Она могла бы больше не приезжать. За книгой нетрудно послать слугу. Новые вопросы — оставить при себе.

Эта возможность была совершенно разумной.

Элеонора погасила свечу, легла и долго смотрела в темноту.

Потом протянула руку к столику и на ощупь придвинула записку ближе к кровати.

Глава 3. Опасная надежда

Мэтью выбрал для неё три книги и отверг все три.

Первая была слишком сухой. Вторая — слишком дорогой, чтобы одалживать её человеку, которого он видел всего несколько раз, хотя именно этот человек мог бы купить всю его библиотеку, не меняя домашних расходов. Третью он прочёл так давно, что уже не помнил, какие места подчеркнул.

Он раскрыл её наугад.

На полях стояло: «Вздор».

Мэтью закрыл книгу.

— Веский довод, — сказал Фенвик у него за спиной.

Мэтью обернулся.

Старый хирург стоял в дверях, держа под мышкой шляпу. В другой руке у него была корзинка, прикрытая полотном.

— Вы обещали прийти после полудня.

— Уже после.

Мэтью посмотрел на часы.

Фенвик проследил за его взглядом.

— Рад, что мы разобрались. Забери корзину, пока я не выронил твой ужин.

Под полотном лежал пирог.

— От миссис Фенвик?

— Она утверждает, что ты худеешь.

— Она видела меня в воскресенье.

— Именно. Пришлось терпеть её тревогу целых три дня.

Мэтью отнёс корзину к столу. Когда он вернулся, Фенвик уже держал отвергнутую книгу и рассматривал пометку.

— Ты стал сдержаннее, — заметил он. — Раньше написал бы почему.

— Там и так достаточно ошибок.

— В таком случае зачем давать это читать?

Мэтью протянул руку за книгой.

Фенвик не отдал.

— Кому?

— Одной пациентке.

Старик перевернул несколько страниц.

— Лечение обещает быть долгим.

* * *

Они разобрали утренние записи.

У жены мельника спадала лихорадка. Мальчик с повреждённым коленом снова начал бегать, но пока, если верить матери, по ровной земле. Фенвик выслушал рассказ о каменщике, которого Мэтью посетил накануне, и задал три вопроса, на два из которых тот ответил сразу.

Над третьим пришлось подумать.

— Я ещё раз зайду к нему вечером, — сказал Мэтью.

Фенвик кивнул и потянулся к пирогу.

Несколько минут они ели молча. Старик осматривал комнату с привычным выражением человека, который некогда отвечал здесь за всё и до сих пор не вполне отказался от этой должности.

Его взгляд остановился на починенной полке.

— Хорошо сделал.

— Она держалась на одном гвозде.

— Я собирался ею заняться.

— С ноября.

— Следовало проявить терпение.

Мэтью улыбнулся.

Он помнил эту полку с четырнадцати лет. Помнил, как Фенвик впервые позволил ему самому отмерить нужное количество сушёной коры, а потом велел переделать всё с начала: Мэтью слишком торопился показать, что умеет.

В ту пору ему казалось, что уверенность состоит главным образом в скорости. Хороший врач сразу знает ответ. Хороший ученик не заставляет ждать.

Фенвик потратил несколько лет, отучая его от этого убеждения.

Теперь Мэтью мог спокойно признаться больному, что ему нужно время подумать.

С мисс Эшфорд это умение почему-то давалось хуже.

— Дочь Эшфорда? — спросил Фенвик.

Мэтью положил нож.

— Что?

— Твоя читательница.

— Откуда вы знаете?

— Белл встретила мою жену у торговца тканями. Сказала, что ты хорошо обработал порез.

Это должно было обрадовать его.

Вместо этого Мэтью вспомнил, как Элеонора стояла в передней, держа перчатки обеими руками. Одна застёжка была расстёгнута. Он заметил её запястье — бледную кожу, маленькую складку у основания ладони — и потом весь вечер сердился на себя за точность этого воспоминания.

— Рана была неглубокой, — сказал он.

Фенвик доел кусок пирога.

— Я знаком с её отцом.

Мэтью поднял глаза.

— Лечили его?

— Однажды. Ему не понравилось, что выздоровление заняло больше времени, чем он отвёл.

— Такое случается.

— Да. Только некоторые считают это личным оскорблением.

Фенвик вытер пальцы полотенцем.

— Хороший дом для практики.

Мэтью ничего не ответил.

— И трудный дом для всего остального, — добавил старик.

Часы щёлкнули, прежде чем пробить половину.

— Она взяла книгу, — сказал Мэтью.

Фенвик посмотрел на три тома, лежавшие отдельно от остальных.

— Вижу.

* * *

После ухода наставника Мэтью вернулся к полке.

Он мог послать книгу со служанкой. Написать несколько учтивых строк. Тогда не пришлось бы ждать, придёт ли Элеонора сама, и изображать удивление, если это случится.

Он даже достал бумагу.

«Мисс Эшфорд...»

Дальше не шло.

Мэтью отложил перо.

В этом не было ничего сложного. Он одалживал книги и прежде. Молодому помощнику приходского священника, которому хотелось знать больше об устройстве человеческого тела. Дочери Фенвика, читавшей всё подряд и неизменно возвращавшей тома с загнутыми уголками.

Ни разу ему не приходилось думать, какое впечатление произведёт его почерк.

Он прошёл к умывальному столу и вымыл руки, хотя в этом не было необходимости.

Элеонора была красива. Этого оказалось бы достаточно, чтобы он заметил её при первой встрече и потом изредка вспоминал.

Но она слушала.

Мэтью не мог забыть, как изменилось её лицо, когда он рассказал о матери. Сначала возникла неловкость — знакомая ему, почти неизбежная. Потом Элеонора справилась с ней и задала вопрос о пометке в книге. Не стала утешать его за детство, которое закончилось много лет назад. Не принялась искать в бедности полезный нравственный урок.

Он рассказал бы ей больше, если бы миссис Белл не поднялась со стула.

Эта готовность тревожила сильнее желания прикоснуться к ней.

С желанием всё было понятно. Он мог держать руки при себе.

Слова требовали другой осторожности.

* * *

К вечеру пошёл дождь.

Мэтью вернулся от каменщика промокшим, голодным и уверенным только в том, что утром придётся идти снова. У двери он столкнулся с пожилой служанкой, помогавшей ему по дому.

— Посылка для вас, мистер Рид.

На столе лежал небольшой свёрток.

Внутри оказалась его книга.

На мгновение он ничего не понял. Элеонора уже вернула её.

Потом увидел записку.

«Мистер Рид,

кажется, вчера вместе с перчатками я снова забрала то, что собиралась вернуть. Миссис Белл полагает, что это доказывает пользу внимательности. Я полагаю, что теперь вам придётся согласиться с одним из моих возражений в возмещение нравственных страданий.

Э. Эшфорд».

Мэтью прочёл записку ещё раз.

Он помнил, как миссис Белл искала список покупок. Элеонора стояла у стола, собирая свои вещи. Он мог сам подать ей книгу. Вполне возможно, что именно так и случилось.

Ему стало смешно.

Служанка, разбиравшая у двери мокрые вещи, посмотрела на него.

— Что-нибудь хорошее?

— Да.

Ответ вырвался без раздумья.

Он дождался, пока она уйдёт, и сел.

На этот раз письмо заняло меньше минуты.

«Мисс Эшфорд,

готов признать ваше возражение относительно покоя больных убедительным. По остальным вопросам оставляю за собой право на защиту.

Посылаю обещанную книгу. На странице тридцать восьмой автор делает вывод, который, вероятно, вам не понравится.

М. Рид».

Он перечитал.

Потом всё-таки выбрал другой том — о растениях, с несколькими подробными рисунками — и завернул его вместе с письмом.

До утра свёрток лежал у двери.

Мэтью несколько раз проходил мимо него и каждый раз знал, что ещё может убрать записку.

* * *

Через четыре дня он увидел её на дороге возле церкви.

Элеонора стояла у каменной ограды и держала ветку с молодыми листьями. Миссис Белл беседовала со знакомой под тисом в нескольких шагах.

Мэтью заметил их слишком поздно, чтобы свернуть без явного намерения избежать встречи.

Элеонора заметила его сразу.

— Мистер Рид.

Он снял шляпу.

— Мисс Эшфорд.

— Вы были правы.

Мэтью посмотрел на ветку.

— Насчёт чего именно?

— Страницы тридцать восьмой. Но я подозреваю, что вы выбрали её нарочно.

— Я надеялся, что она вас заинтересует.

— Заинтересовала. Я написала полторы страницы возражений.

— Всего?

Элеонора улыбнулась.

Он почувствовал эту улыбку почти как прикосновение.

Сегодня на ней было зелёное платье и светлая накидка. Ветер выбил из-под шляпки прядь; она задевала щёку, и Элеонора то и дело убирала её пальцами. Мэтью старался смотреть ей в глаза.

Это помогало ненамного.

— Вы к больному? — спросила она.

— Уже от него.

— Значит, мы вас не задерживаем?

Он должен был вернуться и приготовить лекарство. До вечера оставалось достаточно времени.

— На несколько минут — нет.

Миссис Белл поздоровалась с ним, представила свою знакомую и после короткого обмена любезностями вернулась к обсуждению чьей-то простуды.

Элеонора протянула ему ветку.

— Вот. Я пыталась определить.

Мэтью взял её за нижний конец, оставляя между их пальцами несколько дюймов.

— И что решили?

Она назвала растение.

— Почему?

— Форма листа. И расположение.

Он повернул ветку к свету.

Она придвинулась, чтобы видеть.

Теперь он чувствовал слабый запах её мыла или духов — что-то свежее, едва уловимое. На улице было прохладно, но ему стало жарко под воротом.

— Здесь, — сказал он, указывая на край листа.

Элеонора склонила голову.

Лента её шляпки коснулась его рукава.

Мэтью сбился.

— Что здесь?

Он заставил себя закончить объяснение.

Она слушала внимательно, затем посмотрела на ветку ещё раз.

— Значит, ошибка.

— Хорошо обоснованная.

— Вы утешаете меня?

— Разбираю ход ваших рассуждений.

— Тогда продолжайте. Это гораздо приятнее утешения.

Он рассмеялся.

Элеонора подняла на него глаза, и смех оборвался сам собой.

Она стояла близко. Ближе, чем в передней. Он видел маленькую веснушку у её виска, которую прежде не замечал, и чуть обветрившуюся нижнюю губу.

Ему захотелось провести по ней большим пальцем.

Желание было таким ясным, что он на мгновение испугался: она поймёт.

Элеонора перестала улыбаться.

Ветка дрогнула между ними.

— У меня остались вопросы к книге, — сказала она тише.

— Вы упоминали.

— Их больше полутора страниц.

— Я так и думал.

Она отвела взгляд первой.

Мэтью отступил на полшага.

У ограды миссис Белл раскрыла сумочку. Её собеседница отряхивала с рукава сухую хвою. Ни одна, казалось, не смотрела в их сторону.

Он не знал, успокоило ли это его.

* * *

Они прошли вместе до поворота.

Миссис Белл шла впереди. Дорога была достаточно широкой, но Мэтью держался ближе к обочине, оставляя между собой и Элеонорой расстояние, которое теперь приходилось поддерживать намеренно.

Она рассказывала об оранжерее. О раме, которую наконец заменили. О Бригтсе, не желавшем подпускать её к лестнице даже ради самых мирных наблюдений.

— В этом я на его стороне, — сказал Мэтью.

— Полагаю, вы найдёте много общего.

— Уже нашли. Заботу о ваших руках.

Произнеся это, он посмотрел прямо перед собой.

Элеонора молчала несколько шагов.

Потом сказала:

— С рукой всё хорошо.

— Рад слышать.

Она сняла перчатку.

Он не сразу понял, что она делает.

Элеонора показала ладонь. Порез зажил; осталась тонкая линия, светлая по краям.

Мэтью остановился.

Ему не нужно было брать её за руку. Осмотра она не просила.

Он всё равно протянул пальцы — и удержал их прежде, чем коснулся кожи.

— Да, — сказал он. — Всё хорошо.

Элеонора медленно закрыла ладонь.

Миссис Белл позвала её от поворота.

Мэтью почувствовал такое облегчение, что оно почти разозлило его.

— Мне сюда, — сказал он.

— Разумеется.

Она натянула перчатку. Один палец не попадал на место.

Он смотрел на эту маленькую неудачу и знал, что будет помнить её вечером.

— Благодарю за книгу, мистер Рид.

— Не торопитесь возвращать.

Элеонора подняла глаза.

Он услышал собственные слова и добавил:

— Там есть главы, которые стоит прочесть внимательно.

— Я прочту.

Она пошла к миссис Белл.

Мэтью дождался, пока они свернут, и только потом обнаружил, что по-прежнему держит сорванную ветку.

* * *

Вечером он считал деньги.

Плата за два визита, несколько мелких покупок в лавке, долг, который жена мельника обещала погасить после следующей недели. Заказ стеклянных сосудов пока придётся отложить.

Мэтью записал сумму, зачеркнул неверную цифру и начал снова.

На краю стола лежала ветка.

Он убрал её на подоконник.

Через минуту забрал оттуда: мокрые листья могли оставить пятно на дереве.

Это занятие было настолько нелепым, что он наконец сел и закрыл лицо руками.

Эшфорд.

Фамилия никуда не исчезла оттого, что её обладательница смеялась над его замечаниями и краснела в передней.

Он знал людей, среди которых она выросла. За столом они могли говорить с ним о погоде, о дороге, о состоянии больного. Если помощь оказывалась своевременной, ему искренне жали руку.

Было бы глупо принимать это за приглашение войти в семью.

А ещё он слишком хорошо представлял вопрос, который последует раньше остальных.

Кто ваш отец?

Он научился отвечать на него кратко. Сначала это причиняло боль, потом стало обычной неприятностью, вроде холода в плохо натопленной комнате.

Рядом с Элеонорой старый стыд возвращался в новой форме. Мэтью боялся не её презрения. Хуже было представить, как она попытается скрыть жалость.

Он встал и зажёл вторую свечу.

У него была работа. Настоящая, необходимая работа, от которой зависели другие люди. Следовало заняться ею.

* * *

На следующее утро принесли письмо.

Оно не было запечатано фамильной печатью. Простой сложенный лист, его имя на внешней стороне.

Внутри оказались обещанные вопросы.

Элеонора писала мелко и аккуратно, но ближе к концу строчки начинали тесниться, словно мысли приходили быстрее, чем она успевала находить для них место.

Он прочёл всё стоя.

Некоторые её возражения были наивными. Одно — неожиданно точным. Возле последнего вопроса она приписала:

«Если я неверно поняла автора, прошу объяснить, где именно. Ответ „это слишком сложно“ уже имеется в моём распоряжении».

Мэтью улыбнулся.

Внизу оставалась ещё одна строчка.

«По четвергам мы с миссис Белл обычно гуляем после двух по дороге к старой мельнице. Там растут те самые деревья, относительно которых я ошиблась».

Он перечитал её.

Потом положил письмо на стол и подошёл к окну.

До четверга оставалось два дня.

Он мог ответить только на вопросы.

Мог вернуть листок через слугу. Мог выбрать для прогулки любую другую дорогу — или вовсе не гулять, поскольку дела всегда находились.

За стеклом женщина вела за руку ребёнка. Торговец напротив поднимал ставню. У булочной остановилась телега.

Мэтью вернулся к столу.

На отдельном листе он подробно ответил на первое возражение, затем на второе. Исправил одну собственную неточность. Указал страницу, которую она, вероятно, пропустила.

В конце написал:

«На этой дороге есть ещё несколько растений, которые могут вас заинтересовать. Если визиты к больным позволят, я буду рад показать их вам в четверг».

Он подождал, пока высохнут чернила.

Когда складывал письмо, руки у него были совершенно спокойны.

Глава 4. Их маленькая свобода

В четверг Элеонора поняла, что ожидание способно испортить даже хорошую погоду.

Солнце то выходило из-за облаков, то исчезало, и каждый раз ей казалось, что это имеет значение. Дождь мог отменить прогулку. Ясный день мог привести на дорогу слишком много знакомых. Ветер раздражал тем, что путал ленты шляпки, хотя ещё утром она была готова простить ему что угодно.

Миссис Белл шла рядом, опираясь на лёгкую трость, которую брала только за город.

— Вы сегодня необыкновенно внимательны к дороге, — заметила она.

— Здесь много камней.

— В основном вы смотрите вдаль.

Элеонора заставила себя замедлить шаг.

У старой мельницы никого не было.

Вода темнела под деревянным мостком. На противоположном берегу росло дерево с низкими ветвями, а в траве желтели цветы, названия которых она ещё вчера собиралась выяснить.

Теперь ей было всё равно.

Он написал: «Если визиты к больным позволят».

Это не было обещанием.

Элеонора остановилась возле ограды и притворилась, что рассматривает листья.

— Те самые? — спросила миссис Белл.

— Кажется.

Она почти ничего не видела.

Потом за спиной послышались шаги.

— Надеюсь, вы ещё не успели определить всё без меня.

Элеонора обернулась слишком быстро.

Мэтью снял шляпу. На его сюртуке осталось несколько светлых пылинок, словно он только что прислонился к побелённой стене.

— Мы только пришли, — сказала она.

Миссис Белл посмотрела на воду.

— Минут двадцать назад.

Мэтью перевёл взгляд с одной на другую.

Элеонора почувствовала, что краснеет.

— Здесь приятно стоять.

— Очень, — согласился он.

И больше ничего не добавил.

Она была благодарна ему за это почти так же сильно, как за то, что он пришёл.

* * *

Первые несколько минут они говорили слишком учтиво.

Мэтью осведомился о здоровье миссис Белл. Миссис Белл сообщила, что здоровье её вполне удовлетворительно, если не считать людей, заставляющих её гулять быстрее привычного. Элеонора спросила о мистере Фенвике, хотя никогда его не видела.

Потом Мэтью заметил у неё в руке записную книжку.

— Вы приготовились.

— Я не хотела снова полагаться на память.

— И правильно. Она охотно сохраняет ошибки.

— Некоторые люди тоже.

Он улыбнулся.

После этого стало легче.

Они пошли вдоль воды. Мэтью показывал, как отличить похожие листья, и заставлял её сначала самой назвать признаки. Элеонора ошибалась, спорила и один раз оказалась права.

Он признал это сразу.

— Вы не собираетесь защищать своё мнение? — спросила она.

— Теперь у меня другое.

— Так просто?

— При убедительных доказательствах — да.

Она посмотрела на него с неожиданной серьёзностью.

— Мне нравится, что вы это умеете.

Мэтью опустил ветку, которую держал.

На несколько мгновений они забыли, что именно рассматривали.

Позади миссис Белл остановилась поправить пряжку на башмаке.

Элеонора отвернулась первой.

— А это?

Она указала на ближайший куст.

— Боярышник.

— Я знаю.

— Тогда зачем спрашивали?

— Чтобы вы не слишком гордились моими успехами.

Он рассмеялся.

Впервые рядом с ним ей удалось не следить за собой каждую секунду. Она могла сказать глупость и не ждать снисходительной улыбки. Могла замолчать, не торопясь заполнить паузу.

Когда они дошли до развилки, Элеонора обнаружила, что прошло больше часа.

Мэтью вынул часы.

Удовольствие на его лице сменилось досадой.

— Мне пора.

Она кивнула.

Ей хотелось спросить, когда они увидятся снова. Вопрос стоял между ними так явственно, что она боялась даже взглянуть на миссис Белл.

Мэтью убрал часы.

— В книге, которую вы читаете, есть рисунок этого растения, — сказал он, показывая на сорванный стебель. — Не слишком точный. Если найдёте ошибку, напишите.

Элеонора взяла стебель.

Их пальцы соприкоснулись.

Прикосновение было коротким, случайным — во всяком случае, его можно было так назвать.

— Найду, — сказала она.

* * *

На следующий день отец вернулся из Лондона.

В доме сразу стало больше звуков: шаги в коридоре, голоса слуг, стук сундуков на лестнице. За ужином он рассказал о дороге, спросил, исправлена ли рама в оранжерее, и попросил Элеонору показать ладонь.

Она протянула руку.

Он посмотрел на тонкую полоску шрама.

— В следующий раз предоставь такие вещи людям, которые умеют ими заниматься.

— Да, отец.

— Белл сказала, тебя отвозили к Риду.

Элеонора взяла бокал, чтобы занять здоровую руку.

— Он оказался поблизости.

— Фенвик его хвалит. Для человека с таким началом это неплохое место.

Она поставила бокал.

— С каким началом?

Отец уже повернулся к лакею, подливавшему вино.

— Без состояния. Без семьи, способной помочь. Кажется, мать была швеёй.

— Значит, он многого добился.

— Я это и сказал.

Он произнёс это рассеянно и тут же перешёл к письму, которое получил от управляющего.

Элеонора больше не вмешивалась в разговор.

Позднее в своей комнате она раскрыла книгу и долго смотрела на страницу, ничего не читая.

До сих пор происхождение Мэтью представлялось ей частью его жизни — трудной, важной, но всё-таки принадлежащей ему.

За ужином оно прозвучало как характеристика места, которое ему отведено.

Она вспомнила, как легко отец сказал: «Для человека с таким началом».

Потом взяла бумагу и начала писать об ошибке на рисунке.

* * *

В следующие недели встречи приобрели вид случайностей, которые требовали всё более тщательной подготовки.

Мэтью иногда проходил по дороге к мельнице после визита на соседнюю ферму. Элеонора и миссис Белл выбирали эту дорогу для прогулки. Книги возвращались с записками. На вопросы приходили ответы, а вместе с ними — новые вопросы.

Однажды он прислал засушенный лист, вложенный между двумя чистыми страницами.

Под ним было написано: «На этот раз без подсказок».

Элеонора потратила на определение весь вечер.

На другой день выяснилось, что лист взят с дерева у самых ворот их поместья.

Она обвинила его в нечестности.

Он ответил, что расстояние от дома не влияет на ботанические свойства.

Она смеялась над письмом так долго, что миссис Белл попросила объяснить причину.

Элеонора прочла вслух только последнюю фразу.

— Поразительно занимательная наука, — сказала её спутница.

Но больше не спрашивала.

* * *

Однажды они втроём укрылись от короткого дождя под навесом у мельницы.

Миссис Белл стояла ближе к стене, стараясь уберечь подол. Мэтью — у края, где на плечо ему падали капли.

Элеонора заметила это не сразу.

— Вы промокнете.

— Немного.

— Здесь есть место.

Она подвинулась.

Он посмотрел на узкий промежуток рядом с ней, затем на дождь.

— Здесь сухо, — добавила она, уже понимая, что звучит слишком настойчиво.

Мэтью встал ближе.

Их рукава соприкоснулись.

Несколько минут никто не говорил. Вода барабанила по крыше, стекала с желоба, разбивалась в грязи. Миссис Белл сердито разглядывала небо.

Элеонора смотрела на руки Мэтью.

Он держал шляпу за поля. Большой палец медленно двигался по потемневшей от влаги ткани.

Она могла бы коснуться его мизинца. Никто бы не увидел.

Эта мысль заняла её целиком.

Элеонора не пошевелилась.

Мэтью тоже.

Когда дождь ослаб, он отступил первым.

Остаток дороги она чувствовала холод на том плече, которым касалась его.

* * *

В начале следующего месяца Мэтью не пришёл.

Потом не пришёл ещё раз.

Записка, переданная через слугу, сообщала только, что он занят у больных и просит извинить его молчание.

Элеонора перечитала её несколько раз, пытаясь понять, было ли слово «занят» единственной причиной.

Она стыдилась этой подозрительности. Люди болели. Он работал. Не вся его жизнь должна была располагаться вокруг дороги к мельнице.

Но к вечеру второго дня разумные объяснения перестали помогать.

На третий она села писать.

«Надеюсь, никто не болен опасно».

Зачеркнула: опасно мог быть болен кто угодно, и это не давало ей права требовать сведений.

«Надеюсь, вы сами здоровы».

Эту строку оставила.

Ответ пришёл следующим утром.

«Здоров, хотя благодарен за напоминание, что это желательно. Последние дни были тяжёлыми. Если погода сохранится, в четверг смогу пройтись».

Ниже, после небольшого промежутка:

«Я скучал по нашим разговорам».

Элеонора села.

Она не сразу заметила, что до этого стояла посреди комнаты.

* * *

В четверг он выглядел усталым.

Тени под глазами, небрежно завязанный шейный платок, маленькая царапина на запястье. Он улынулся, увидев её, но улыбка не скрыла усталости.

Элеонора забыла все слова, которые собиралась произнести.

— Вам следовало отдыхать.

— Я и отдыхаю.

Они пошли медленнее обычного.

Миссис Белл встретила у мельницы жену управляющего соседним имением. Та остановила её вопросом о портнихе, и разговор быстро приобрёл обстоятельность.

Элеонора с Мэтью отошли к мостку, оставаясь у них на виду.

— Плохая неделя? — спросила она.

Он кивнул.

— Очень.

Она подождала.

— Иногда все спрашивают, что будет дальше, — сказал он наконец. — А ты не знаешь. И каждый раз должен сказать это так, чтобы люди не подумали, будто тебе всё равно.

Элеонора смотрела на воду.

— Вам не обязательно подбирать слова для меня.

Он долго молчал.

Потом выдохнул, словно только сейчас позволил себе.

— Одного ребёнка спасти не удалось.

Она повернулась к нему.

Мэтью стоял, опершись ладонями о перила. Смотрел вниз.

Элеонора не стала говорить, что он сделал всё возможное. Она не знала, что именно он сделал, а он, вероятно, уже много раз слышал эти слова.

— Мне очень жаль, — сказала она.

Он кивнул.

Она положила руку на перила рядом с его рукой.

Не сверху. Не касаясь.

Через некоторое время он сам придвинул пальцы.

Их мизинцы соприкоснулись.

Они так и стояли, пока миссис Белл не позвала Элеонору.

* * *

По дороге домой её спутница молчала дольше обычного.

Потом сказала:

— Он порядочный молодой человек.

Элеонора посмотрела на неё.

— Да.

— Надеюсь, вы понимаете, что это не делает ваши встречи безопасными.

Под ногами хрустнул гравий.

— Мы только гуляем.

— Пока.

Элеонора остановилась.

Миссис Белл тоже.

В её лице не было строгости, и от этого возразить оказалось труднее.

— Я не собираюсь докладывать вашему отцу о каждой книге, — сказала она. — Но и притворяться слепой не стану. Вы ждёте этих прогулок с утра. Когда он не приходит, вы почти не разговариваете. А он смотрит на вас прежде, чем поздороваться со мной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.